

АЛЕКСАНДР ФЕДОСЕЕВ

ИЖКАРНАЦИЈА МАМКА ЛЕРМА

Моя Строка

Александр Федосеев

Инкарнация

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48820277

Инкарнация: Моя строка; 2019

ISBN 978-5-907087-76-7

Аннотация

«Александр Николаевич Чуднов лежал в своей домашней лаборатории, на широкой двери положенной на два ящика, приспособленной таким образом под постель и спал. Он только что окончил очень важную для него работу, которая должна была, по его мнению, вывести человечество на совершенно новые рубежи познания самого себя.

Наступала осень. Вечерело. Солнце, клонящееся к горизонту, придавало и без того рыжеющим травам красноватый, драматический оттенок...»

Содержание

Инкарнация	4
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Александр Федосеев

Инкарнация

Сборник

Высочайшая любовь есть высочайшее отречение.

Инкарнация /Мистерия/

Александр Николаевич Чуднов лежал в своей домашней лаборатории, на широкой двери положенной на два ящика, приспособленной таким образом под постель и спал. Он только что окончил очень важную для него работу, которая должна была, по его мнению, вывести человечество на совершенно новые рубежи познания самого себя.

Наступала осень. Вечерело. Солнце, клонящееся к горизонту, придавало и без того рыжеющим травам красноватый, драматический оттенок.

Вокруг стоящего посреди южной степи высокого холма шли люди. Они шли небольшими группами, не спеша, словно прогуливались. Их негромкие, неторопливые разговоры, сливаясь, напоминали игру некоего музыкального ин-

струмента, издававшего переливчатые звуки журчащей воды. Стая воробьёв, перелетая с места на место, отчаянно чирикала, привнося в общее звучание беззаботность и лёгкость.

Александр Николаевич шёл под руку, как ему казалось, со своей матерью. С матерью, которая была гораздо моложе его и у которой сегодня был день рождения...

Как и все остальные, они, медленно прогуливаясь, направлялись к высокому, поросшему кустарником холму, опоясанному у его основания глубокой, чёрной трещиной, через которую кое-где были переброшены узкие деревянные мостки.

Они шли далеко позади всех. Мать, а это была, несомненно, она, была необычайно красива. Лицо её дышало нежностью и лаской. Карие глаза влажно поблескивали. Слегка загорелая кожа на обнажённых до самых плеч руках в лучах вечернего солнца казалась бархатной. У него не было слов, чтобы выразить подобную красоту. Никогда ранее, за всю свою пятидесятитрёхлетнюю жизнь, он не встречал такой покоряюще родной, тёплой, выразительной красоты.

Он знал, что её уже пятнадцать лет как нет на свете. Знал и понимал, но сердце его никогда этому не верило. Иногда ему казалось, что её образ мелькал в толпе, и тогда он, взволновавшись, подняв высоко подбородок, поспешно искал её среди людей. И вот теперь она рядом...

Чувствуя её тёплую руку на своей, он почти не дышал,

боясь разорвать эту колдовскую связь. Ему чудилось, что он слышит музыку. Музыка японской пианистки Кэйко Матцуи, которую он, любя, называл просто Матцуня. Под эту музыку ему всегда хорошо работалось. Более того, он считал, что своим прозрениям в своих учёных делах во многом обязан именно её музыке. Вот и сейчас она сопровождает их. И это не было случайностью.

Мать всё теснее прижималась к нему. И когда она, обвив его шею своими волшебными руками, глядя в его лицо, потянула к земле, он этому ничуть не удивился, и страха не было до того момента, пока они не легли на землю.

– Сашенька, Сашенька... – произнесла она на выдохе.

– Да, ... мама, – с большим усилием еле вымолвил он.

– Скажи, мужчине одному тяжело?

Он сразу вспомнил эту её фразу из той, давней его жизни, когда она была ещё жива. Но тогда он не понимал, о чём она говорит. Сейчас же ему открылось её значение, её смысл.

Он не ответил ей, только сильнее прижал к себе. Он хотел её. Хотел и боялся одновременно. Что-то неведомое и тёмное ожидало его на этом пути. Но и влекло с ужасающей силой.

– Вот ты была там, – начал он неуверенным, слабым голосом, – там, откуда никто не приходит. Что там? Хотя я много раз видел тебя среди нас... И считал, что мы похоронили тебя живой в цветущем яблоневоm саду, под яблоней....

Она молчала, и только руки её ласкали его лицо, легко,

легко пробегая по губам, прикрытым глазам, чуть касаясь ушей и шеи.

– Что ты хочешь? – не дождавшись ответа, спросил он её еле слышно, в самое ухо.

Она засмеялась. Но смех этот смутил его. Этот смех не мог принадлежать ей. Так могла смеяться совсем другая женщина. Женщина, которую он когда-то, очень давно любил. И любил до безумия. – Ты меня уже спрашивал об этом, – сказала она. – Помнишь? Когда я умирала. Когда оставалось всего несколько минут... до моего последнего вздоха..., а точнее, выдоха.

Да. Он помнил этот момент. Помнил свой вопрос. А её ответ он не просто помнил, он был мучим им всю оставшуюся жизнь.

Обняв его голову руками, она слабо коснулась поцелуем его шеи. Затем её руки заскользили по его телу, а поцелуи, становясь всё более страстными, стали покрывать его лицо, пока не завладели его губами.

Он не сопротивлялся. Чувственный дурман объял его. Он забылся под её ласками.

– Не нужно меня бояться, родной мой, – шепнула она. – Я никогда не сделаю тебе ничего плохого. Я твоя, когда нужна тебе, душа моя. Я всегда твоя, сердце моё.

Когда он открыл глаза, было три часа сорок минут пополуночи. Он был мокр, но сознание было ясное, и общее состояние лёгкости владело им.

Александр Николаевич ещё долго лежал, осмысливая привиденное. Размышляя, он в конце концов пришёл к выводу, что где-то здесь скрыта подсказка к каким-то будущим событиям. Возможно, для него не желательным. Он даже почти догадывался, в каком месте сновидения нужно её искать. Но он и представить себе не мог, чем лично для него обернётся реализация этой подсказки, а также последствия задуманного им эксперимента.

«Как же так получается, – думал он, – что, просыпаясь, я каждый раз попадаю в одну и ту же реальность. А там, по ту сторону реальности, всегда всё по-разному. И как там возникают прозрения, решения и такого вот рода головоломные сюжеты?»

Он встал и стал ходить туда-сюда, как был, ни в чём, продолжая размышлять, как вдруг звуком приближающегося паровоза зазвонил мобильник. Вздвогнув от неожиданности, он схватил со стула телефон и нажал кнопку.

– Женька...? Женька! Дружище! Как ты вовремя! – закричал он в телефон, услышав давно знакомый голос. – Сейчас же ко мне. Слышишь? Никаких гостиниц! Я этого не потерплю. Только ко мне. Ты слышишь? Только ко мне! Ты мне страшно как нужен. Я жду тебя. Жду!

«Господи, – подумал он радостно. – Вот это подарок! Нежданный подарок судьбы! Как это хорошо! Сейчас придет Женька. Евгений Михайлович. Он же эрудит. Он всё знает. Светлая голова. И он же художник! А главное, он мой

друг с самого детства, и кто лучше, чем он, поймёт меня». Его сосредоточенность на сне пропала. Встреча друга – что может быть более свято!

Он бросился в ванную смывать последствия сна. Затем закутался в махровый халат и стал готовить зелёный чай.

– Женька, Женька, Женька... – радостно приговаривал он, нарезаая дольками лимон и поджаривая гренки.

Наконец у ворот просигналила машина, через минуту в дверь постучали, и он бросился открывать. На пороге, улыбаясь, стоял невысокий, лысый, лобастый человек. В одной руке он держал чёрную походную сумку с надписью «Экстрим», в другой большую папку с бумагами.

Александр Николаевич широким круговым жестом руки, и склонив голову, пригласил гостя войти.

Как только гость вошёл, они тут же заключили друг друга в объятия и принялись хохотать, глядя друг на друга.

– Ну, вот и ты! – радостно проговорил Александр Николаевич, отпустив, наконец, своего гостя. – Ты не представляешь, как я тебе рад и как ты мне сейчас необходим. Именно ты. Ты и никто кроме тебя. Раздевайся и проходи.

Как только гость разделся, Александр Николаевич тут же усадил его в старое, объёмное, покрытое какой-то шкурой кресло, приговаривая при этом: «Это кресло для гостей. Для дорогих друзей».

Сам же уселся на стул верхом и, продолжая улыбаться, стал наливать в чашки чай и пододвигать поближе к гостю

ещё тёплые гренки.

– Как ты оказался в нашем городе? Что тебя сюда так вовремя занесло? – спросил он.

– Выставку у вас делаю. В вашем Дворце культуры. А заодно на этюды похожу. Здесь чудесные места. Городишке этому, насколько мне помнится, более тысячи лет. Есть что почувствовать.

– Выставку! Это превосходно! Но, Женя, это же не твой масштаб, чтобы выставляться здесь. Всего сорок пять тысяч населения, включая стариков и детей. А впрочем, я чрезвычайно рад твоему приезду, делай что хочешь, но жить будешь у меня. И поможешь мне в моём, уверяю тебя, интереснейшем эксперименте. Эксперименте, которого ещё свет не видел. Который перевернёт сознание людей. И твоё, кстати, тоже.

Александр Николаевич поставил локти на стол и, подперев ладонями подбородок, стал внимательно наблюдать за Евгением Михайловичем.

– Ты от Союза выставляешься? – спросил он.

– Нет. Я не люблю союзы. Ты ведь знаешь. Знакомый коллега пригласил. Он тут промышляет заказами. Ну и я же знал, что ты здесь. Кстати, превосходный чай, – сказал Евгений Михайлович, отодвигая чашку и вытирая салфеткой губы. – Спасибо. Я тоже, Санечка, очень рад повидаться с тобой. Ведь прошло, наверное, не менее десяти лет с нашей последней встречи. Я был в твоём институте, и мне сказа-

ли, что ты всё бросил и уехал сюда. – Он откинулся в кресле и продолжил. – Говорили, что тебе отказали в работе над какой-то сумасбродной идеей. Говорили, что ты индивидуалист. Что ты гениален. И очень жалели, что ты ушёл.

– Да, – сказал Александр Николаевич, слегка недовольно поморщившись. – Они поставили меня перед выбором. Понимаешь, то чем занимаются они, это всё государственные заказы. Оборонка, космос и прочее. Это интересно. Это действительно интересно. Но помнишь ли ты нашу ссору, прости, что вспомнил, когда нам было лет по восемнадцать, помоему. У тебя тогда брат погиб. Лётчик. Я тогда высказал тебе своё сомнение по поводу существования единственной возможности проникновения в космос, кроме как силового варианта, преодоления притяжения Земли ракетой. Я тогда говорил тебе, что должны существовать и иные возможности покинуть Землю. Не ракетные. Не реактивные. Не преодоления силы законов, а скорее, следования им. Что надо работать с природой, а не противиться ей. Ты тогда бурно воспринял это. Бурно отрицательно. Ещё раз извини. Но, не в этом сейчас дело. Я привёл этот случай только для того, чтобы напомнить тебе, что я не всегда бываю правильно понят. Может быть, допускаю, что в этом больше моей вины, чем моих оппонентов. Может быть... Так вот. Я мог бы остаться и продолжать разрабатывать варианты по массовому истреблению людей, приборам слежения, по блокам выживания в космической среде и так далее. Но всё это, Женя, сделают и без ме-

ня. И превосходно сделают. Но я верил и верю, – он наклонился вперёд и понизил голос, – в свои собственные догадки и в свою интуицию. – Помолчав, продолжил. – Я оказался прав. Понимаешь? А они не верили в то, что у меня получится. Идея-то бредовая. Конечно, это ново. Более того, это на стыке науки и мистики. И потому я не виню их ни в чём. Они не поняли, потому и не поддержали. А потом, ты знаешь, я не хочу, чтобы моё открытие стало общеизвестным. Я боюсь, что оно может сослужить людям очень недобрую службу. Ядерная бомба может показаться игрушкой в сравнении с тем, что открылось мне. – Оглянувшись на дверь, он перешёл на шёпот. – Речь идёт о том, что зовут душой и совестью. А может, даже и о том, чему ещё нет названия, но присуще каждому. Представь себе, что разверзся ад, рай, или что там ещё, и мёртвые заговорили. Какие вековые тайны могут открыться людям!

Он встал и подошёл к окну, наполовину задёрнутому золотисто-коричневой шторой.

– Только Полина поддержала меня. Она всегда в меня верила и верит.

– Ты говоришь страшные вещи. Неужели такое возможно?

– Возможно, Евгений Михалыч. Теперь возможно. Но ты не пугайся. У нас с тобой мирные задачи. Не бойся. Ты будешь помогать мне. Без тебя, Женя, я не справлюсь. Только тебе я могу довериться в этом важном для меня деле. Только на тебя я могу положиться. Мне вот так, – он поднёс

ребро ладони к горлу, – нужен помощник. Сам Бог послал тебя ко мне.

– Ладно, ладно. Посмотрим, – сказал Евгений Михайлович, едва улыбнувшись. – А что у тебя с Зоей? Все полагали, что ваш союз уже неизбежен. Я имею ввиду женитьбу. Вы так подходили друг к другу.

– Зоя Валентиновна? А, ничего не вышло, – повернувшись к собеседнику, сказал Александр Николаевич. – Какой-то заезжий танцор сделал ей предложение, она отказала. А когда он у неё на пороге порезал себе вены, согласилась. Я же на подобные доказательства любви не способен. Простота, открытость и честность. Что ещё нужно любящим людям. Хотя, конечно, пару годков пришлось помучиться. А что до того, что мы подходили друг к другу..., ты знаешь, иногда мне кажется, что мы недолго бы прожили вместе. Разность интересов, устремлений – это серьёзно. Таким женщинам, как она, необходимо уютное, комфортное гнёздышко, из которого она, время от времени высовывая свою прелестную головку, могла бы взирать на мир и подвергать его божественной критике. Хотя были периоды в нашей с ней жизни, когда мы и бродяжничали. И ничто её тогда не пугало. Меня же, как ты знаешь, влекут неизвестные дали, собственные амбиции и, вообще, самому непонятно что. И никакой критики. Анализ. Безэмоциональное исследование. Я тоже, как и ты, с тех пор не склонен любить союзы. Всякие союзы... Вот так, дружище. Но, должен сознаться, иногда моё раненое

сердечко нет, нет, да и вспомнит прошлые томления не находя себе места в грудной клетке. И в последнее время всё чаще... Видимо, что-то должно произойти. Но... оставим это.

Александр Николаевич подошел к ласково смотрящему на него другу и сел напротив.

– Давай-ка лучше продолжим о моём деле. Ты слышал такое слово – инкарнация?

– Да. Оно мне знакомо. Переселение душ или что-то в этом роде.

– В общем, верно. Вот и скажи мне, с кем бы из людей, когда-то живших, ты хотел бы пообщаться? Даже более того. Кого бы ты из великих умерших хотел бы воскресить? Поэты, художники, композиторы, родные...

– Ты поэт или учёный? – улыбнувшись, спросил Евгений Михайлович.

– Я учёный с душой поэта. И всё же? Ты не ответил мне.

– Ты серьёзно?

– Более чем. Подумай. Не торопись.

– А для чего тебе это нужно?

– Как для чего? – Александр Николаевич ненадолго задумался. – Вот ты рисуешь. Тебе необходим и карандаш и ластик. Стираешь, чтобы поправить свои ошибки, и работать дальше. Вот так и жизнь со смертью. Мне же захотелось внести в этот закон большую гибкость, что ли. Скорректировать его. Что скрыла смерть? Что не успел сказать покойник? А почему нельзя, если появилась возможность. А разве те-

бе никогда ни хотелось покаяться перед умершим, близким тебе человеком? Извиниться... Порасспросить о чём-либо твоего кумира? Тебе это не интересно?

– Ты так говоришь, словно ты сам когда-то и создал этот закон. Закон жизни и закон смерти. – Александр Николаевич рассмеялся.

– Да. Похоже, – сказал он. – Но ведь мы пользуемся электричеством, которое тоже не нами с тобой придумано. Вмешиваемся в структуру ДНК. Лечим от рождения неизлечимо больных.

– А ты мог бы мне рассказать, как всё это ты собираешься осуществить? Или хотя бы сам принцип. Я не понимаю, как это возможно.

– Да. Конечно. – Александр Николаевич внимательно посмотрел на Евгения Михайловича.

Я не стану тебя мучить рассказами о микролептонных волнах, о лептонных потоках, стоячих волнах, точках бифуркации и тому подобных процессах. Но о квантовых голограммах ты, конечно же, слышал. – Евгений Михайлович утвердительно кивнул. – Так вот: вокруг всех тел существуют квантовые голограммы, пронизывающие друг друга, копирующие геометрию и структуру физических тел. И каждая голограмма содержит всю информацию о теле, являясь его информационным двойником в цифровых кодах. В каждой точке мирового пространства, можешь себе представить, пересекаются голограммы бесконечного множества гологра-

фических тел Вселенной. И в каждой пространственно-временной точке имеется информация абсолютно обо всех объектах мироздания. Это говорит нам о всеобщей полевой связи предметов и явлений и подсказывает нам о возможности построения энергетических фантомов. Фантомы строить мы не будем, а вот попытаться обнаружить нужное нам голографическое тело среди всех остальных, как говорится, сам Бог велел. Но это так, для самого общего понимания физического устройства мироздания. Растекаться по древу науки я, пожалуй, больше не буду, попробую объяснить всё на более доступном для простых смертных языке. Видишь ли, идея эта пришла ко мне давно. Даже очень давно. Тогда я занимался биоэнергетикой. Очень много читал о последних исследованиях в этой области. В частности японцев. Ну и конечно также наши исследования по бесконтактному взаимодействию партнёров в сфере боевых искусств. Я просматривал видеозаписи поединков одного человека с несколькими и ничего не мог понять. Что происходит? Это не гипноз. Ничего похожего. Безмолвно, какие-то мазанные движения руками, человека закручивает и он падает, не понимая, что с ним. Никакого физического воздействия. Как и за что они цепляют друг друга? Полная неясность. Затем меня запрягли в дела по оборонке, и я вынужден был прекратить работу в этом направлении. Прошло около десяти лет, пока я вдруг понял, что годы идут, а сокровенные устремления моей жизни так и не реализованы. Мои предложения по данной теме

не были поддержаны. Чистая наука плюс мистика для них – две вещи суть несовместны. Вот тогда я решил всё бросить и проводить исследования самостоятельно. И нисколько об этом не жалею.

Александр Николаевич помолчал, опустив голову, и потом продолжил:

– Так вот, непосредственно об инкарнации. Я обнаружил, уже не теоретически, а практически, заметь это, что каждому живому организму присущ энергетический массив, который сохраняется и после физической смерти человека. То есть человек, как Эго, продолжает жить даже тогда, когда и тело-то его давным-давно истлело в земле. Я уже говорил о голографии тел. Можешь назвать этот массив душой, если хочешь. А какие у тебя взаимоотношения с компьютерной техникой? – вдруг спросил он.

– Очень поверхностные, – ответил Евгений Михайлович. – Могу набрать текст, просмотреть и немного отредактировать картинку.

– М-да, – сказал Александр Николаевич. – Но хоть так. А какие у тебя представления о стирании данных и о сохранении их?

– Никаких, Санька, представлений у меня в этих делах нет. Мне проще создавать руками, чем давить на кнопки и рулить мышью, – улыбаясь, ответил он.

– Ну, всё равно, дружище, я попытаюсь объяснить тебе суть своего открытия ещё на одном, совсем уж примитивном

примере, думаю, тебе доступном. Ты художник, умный человек. Поймёшь биофизика. Так вот. Что происходит, когда мы якобы стираем какую-либо информацию в компьютере? Мы стираем только запись о ней, название и только. Сам массив информации остаётся до тех пор, пока его конкретное место в конкретных кластерах на носителе, то есть на диске, не займут другие данные. И пока они не заняли это место, он фактически не уничтожен. Имея специальную программу, мы можем «воскресить» «стёртое». Мы можем присвоить ему новое имя и данные вновь можно использовать.

– Я слышал, что это возможно.

– Это, конечно, очень и очень грубая аналогия того, что собираюсь сделать я, то есть воскрешение человека. Мне нужно знать лишь две вещи. Где произошло разъединение тела и энергетического массива, то есть место захоронения. И не происходило ли в этом месте уже после каких-либо энергетических воздействий на данное место. Энергетических действий, могущих оказать разрушительное влияние на энергомассив, являвшийся когда-то сутью конкретного человека.

Если окажется, что массив цел, не повреждён, то, имея специальную аппаратуру, возможно, обнаружить нужную нам энергетическую структуру голограммы объекта и, обозначив её в этом мире, «присвоив новое имя», оживить её, поместив в развивающийся организм. Человеческий, разумеется. Правда, из этого организма желательно удалить его

родную информацию, то есть сделать его чистым. Хотя возможно и просто дополнить. Два Эго в одном теле... Не совсем желательно. Но это ещё мною не изучено. Так вот, по моим расчётам, весь процесс по внедрению энергомассива в организм должен занять не более получаса.

– И ты веришь, что у тебя всё получится?

– Нужна ли вера там, где есть знание, понимание и уж тем более опыт?

Евгений Михайлович слушал друга, и ему казалось, что всё, что он говорит, неправда. Что всё это им придумано. Ему приходилось читать изотерическую литературу, где описывались и случаи инкарнации и объяснения её. Но чтобы вот так, его близкий друг, учёный рассказывал ему о реальности этого феномена...

– Ну, хорошо. А возможно ли скопировать эту структуру из данного места, чтобы уже дальнейшими действиями заниматься в лаборатории?

– А ты не такой уж и чайник. – Радостно заулыбался Александр Николаевич. – Ты задал один из самых сложных и очень интересных вопросов. Над этим я сейчас и работаю. Дело в том, что я не совсем ещё разобрался в структуре энергоблока. Эта структура носит открытый характер. Массив, голограмма не застывают после разъединения с телом, а продолжают взаимодействовать со средой, с другими массивами, при этом постоянно видоизменяясь. Проще говоря, оказывается, что жизнь продолжается. Скопировать, как ты го-

воришь, массив вряд ли получится, это уже совсем иной процесс. Как это сделать, когда энергоструктура и пространство представляют собой как бы единый организм. Ты понимаешь меня? Может произойти разрушение энергоструктуры или, что ещё похуже, мною пока непредвиденное, а это, возможно, уже не только истинная смерть индивида, но и проблемы всеобщего пространственно-временного свойства. К взаимодействиям такого рода с энергообъектами я ещё не готов. Мне нужно время, чтобы всё проанализировать. Пообщаться, поговорить с... когда-то умершим. К тому же, возможно, во всяком случае, я не исключаю воздействия информации умершего индивида на тех живых, кто будет находиться поблизости, в момент «воскрешения».

– Я вижу, что ты всё же чего-то боишься?

– А как ты думаешь? Ведь если что-то пойдёт не так, помощи ждать не от кого. Для этого я тебя и позвал. Только тебе я могу полностью довериться. Всё это очень серьёзно, друг мой. Очень серьёзно. Я рассчитываю на тебя.

– Хорошо. А какова вероятность успеха твоего опыта?

– У меня должно получиться. Последние эксперименты с собаками и кошками прошли со стопроцентным успехом. Собаки ведут себя как кошки, а кошки как собаки. Иначе я не стал бы тебе рассказывать всё это и переходить от собак к людям. Ты можешь помочь мне. Необходимо подыскать кандидатуру. Яркость, узнаваемость характера – одно из главных условий. Также необходимо тело. Тело, как вместилище

чужого энергомассива.

– Мистика какая-то. Восточная мистика.

– Никакой мистики, Евгений Михайлович. Хотя ты в чём-то прав. Их религиозные прозрения каким-то образом оказались в соседстве с научными открытиями. И не только с моими.

– Да. Интересная вырисовывается картинка. А как же Бог?

– Бог? Бог... Спроси, что-нибудь полегче, друг мой, – вздохнув, сказал Александр Николаевич.

– Ого! Пожалуй, мне пора идти, – воскликнул Евгений Михайлович, взглянув на часы. – Меня уже, наверное, заждались выставку оформлять.

– Да. Да. Вот тебе ключи от дома. И пойдём, я покажу тебе твою комнату. – Александр Николаевич протянул другу ключи и повёл его на второй этаж.

– Картинки мои придёшь смотреть?

– Естественно.

– Ну вот и хорошо. Мне интересно твоё мнение. Их сейчас распаковывают в вашем Доме культуры. До вечера.

Оставшись один, Александр Николаевич прошёл в лабораторию и уселся за расчёты. Однако работа не шла. Сон, виденный этой ночью, всё же не давал ему покоя. Подсознательно он чувствовал, что сон содержит в себе что-то для него очень важное. Он стал вспоминать его во всех подробностях и даже решил записать для более углублённого анализа.

Была музыка. Музыка Мацуни. Это однозначно. Тепло и золото степных трав. Какой-то курган. Какое-то колдовство, обольщение и сумасшествие... В общем, больной ужас. Разговор с матерью. Очень болезненный для него разговор. Его вопросы к ней. Цветущие яблони... Её смех в ответ...

– Стоп! – сказал он сам себе. – Смех! Да, да. Смех! Всё дело не в словах и действии, всё дело в смехе. Именно в манере смеха.

От неожиданного прозрения он встал и нервно заходил по комнате. Александр Николаевич вдруг понял, точнее, вспомнил, чьим смехом смеялась мать в этом странном сне. Зоя! Вот что скрывал в себе сон. Зоя. Да. Только она могла так смеяться. Тихо. По-детски. Рассыпчато. «Благостно» – вспомнил он её любимую приговорку. Так он иногда её и звал про себя – «Благостная».

Александр Николаевич вдруг мгновенно понял, что ему надлежит сделать. Понял кого и в кого необходимо инкарнировать. От этой мысли ему сделалось не по себе. Мать, Зоя... Возможна ли такая комбинация? Как это может быть? Да и согласится ли Зоя? Согласится ли она стать той формой, что готова будет принять в себя иное содержание? Как странно это звучит в отношении матери... – иное содержание.... Странно и страшно. И какова она сейчас, Зоя?...

Никому в своей жизни Александр Николаевич не посвящал столько чувств и мыслей, как Зое и матери. Эти два человека были и его болью, и его счастьем. И Женька напо-

нил ему о ней. Надо ехать к Зое. Сколько они не виделись? Около десяти лет? Да. Пожалуй. Как она сейчас? Иногда он звонил ей. Где-то в полгода раз. Чтобы убедиться, что она жива и что с ней ничего плохого не случилось. Послушав её – Алё! Алё! – он обрывал связь.

Всё верно. Она и только она. Надо ехать к ней. И ехать не медля. Ни один человек, кроме неё, не поймёт его и не согласится на участие в таком эксперименте. Даже на Полину рассчитывать трудно, хотя её пристальные, всё говорящие взгляды, обращаемые на него при их встречах, говорили ему о многом. Понимание, в данном случае, есть главное. Он постарается уговорить её. Хотя это будет не просто.

– Завтра же еду, – решил он. – Поговорю с Женькой и еду.

Он сам не понимал почему, но колесо его эксперимента требовало обязательного увеличения скорости. Если не сейчас, то и никогда! Словно кто-то извне давил на него, приговаривая: «Быстрее! Не останавливайся. Появился шанс. Части условия совпали. Пора!»

Поздно вечером того же дня, после посещения выставки, сидя перед камином, они обсуждали детали предстоящего эксперимента. Евгений Михайлович согласился по мере сил помогать его учёному другу. Более того, предоставил в его распоряжение свою «Ниву».

Александр Николаевич рассказал о своём плане привлечь к своим опытам Зою. И может быть, Полину, в качестве дублёра, если вдруг Зоя передумает.

На следующий день электропоезд мчал его в небольшой древний городишко, где на первом этаже пятиэтажного дома, в однокомнатной квартире, одиноко жила женщина, от согласия которой зависела судьба его эксперимента, судьба его личной жизни.

Но, пока ничего не ведая, она усердно читала книги святых отцов и философов-богословов. Когда-то очень давно он привёл её ещё девчонкой в церковь, посмотреть росписи, по совету, тогда ещё мальчишки, его друга, Женьки, тем самым, невзначай, обнаружив в её сердце тягу к религии. Впереди был не один час пути и Александр Николаевич, наполненный чувствами предстоящей встречи, предался воспоминаниям.

Впервые он увидел её в дверном проёме. Он сидел за столом, когда открылась входная дверь. С улицы в полумрак помещения ворвалось солнце, и в его сиянии, вся просвечиваемая им, стояла она. И было не совсем ясно, то ли свет её объял и содержит в себе, то ли это она лучится охапками света. Платье казалось прозрачным. Стройный, изящно изогнутый силуэт тела завораживал. Тогда он буквально потерял дар речи.

Её простодушное личико сияло. Голос её и манера говорить моментально покорили его. Они стали встречаться. У них было любимое место для встреч. На высокой лестнице, спускающейся к реке. Она спускалась к нему с её вершины, а он, восторженный и радостный, поднимался ей на встречу. Потом они шли вдоль реки к лесу, и не было для него минут

более счастливых. Так продолжалось...

Звуки гармошки нарушили его воспоминания.

В вагон вошёл слепой гармонист. Не по росту большая куртка. Большие чёрные очки. Длинные тёмные волосы. На худощавом лице шрамы, как от ожогов. Под локтем свисал матерчатый мешочек, в который сочувствующие сами опускали деньги. В основном, конечно, мелочь. Играл он не очень искусно, но на это никто не обращал внимания. Наигрывая мелодии всем известных песен, он протискивался между рядами. Люди в тамбурах открывали ему межвагонные двери. А он просто шёл и играл. Он даже не благодарил никого и ни за что.

Александр Николаевич встал и, сунув в его мешочек деньги, вернулся на своё место у окна.

– Одет безвкусно, но чисто и аккуратно, – отметил он. – Значит, есть кому ухаживать за ним. Игра простого деревенского парня, возможно, когда-то первого парня на деревне. Игра измученной русской души, умеющей боль и горечь жизни обращать в личное веселье.

И тем не менее ему показалось, что между этим незрячим гармонистом и японской пианисткой имеется что-то общее. Что-то неуловимое связывало их в его сознании. Ему захотелось продолжения музыки. Он встал и пошёл за слепым гармонистом. В соседнем вагоне было шумно, и даже игра гармониста не повлияла на общее настроение. Народ в центре вагона смеялся и урчал в удовольствии от наблюдаемого

им зрелища.

Совсем молодой дог серой масти, крутя головой, бросался на стену вагона, неистово скребя по ней лапами. По стене же то метался, то замирал, чуть вибрируя солнечный зайчик. У противоположной стены сидел парень с зеркальцем. Глупый пёс, отскочив, вновь и вновь набрасывался на живое, весёлое пятнышко, пытаясь зацепить его.

Александр Николаевичу стало жаль пса:

– Дуралей, – подумал он, присаживаясь на свободное место, наблюдая за собакой и людьми. – Однако какая прекрасная метафора. Если разобраться, чем же мы-то, все те, кто сейчас смеётся над псом, лучше него? Меня-то, например, что влечёт? Такой же солнечный зайчик. Иллюзия. Очередная иллюзия. Можно потрогать и только. «Когда я тебе нужна, я всегда твоя» – вспомнил он строку из давнего письма Зои. – Ты нужна мне, сердце моё. Ты мне очень нужна. И никто мне тебя не заменит.

Когда он вышел из вагона, было около шести вечера. Уже начинало темнеть, когда он подошёл к её дому. Окно кухни своим неярким, тёплым светом выделялось среди всех окон дома. Александр Николаевич не торопился войти. Он сел на скамеечку напротив окна и стал ждать, не появится ли в окне её силуэт. Но силуэта все не было и не было, и тогда он, справляясь с волнением, решительно вошел в подъезд и направился к её двери. Нажал на кнопку звонка и стал слушать. За дверью послышалось движение, еле слышный голос спро-

сил: «Кто?»»

– Зоя, это я, – сказал он.

Дверь сразу же открылась. Перед ним в домашнем халате, с распущенными волосами и в тапочках стояла Зоя. Как только он переступил порог, она сразу же бросилась ему на шею. После поцелуев они некоторое время молча смотрели друг на друга. Она предложила ему раздеться. Он снял куртку, и она повела его в комнату.

Комната была достаточно просторна. По сторонам большого окна, задёрнутого шторой, стояли высоченный кактус и лимонное дерево. У дивана – два кресла и небольшой столик с цветами в красивой стеклянной вазе. Книжная полка с книгами до самого пола. На стене небольшой акварельный этюд церквушки у реки. На полке стояли иконы. Всё было просто, аккуратно и по-родному мило.

– Присаживайся, – сказала она, указав ему на кресло, по-прежнему не отрывая от него глаз. – Сколько же мы не виделись?

– Лет десять. Не меньше, – ответил он, также как она, рассматривая её.

– Близкие люди не должны не видеться так долго. Это для сердца плохо. Аномальные явления в чувствах. Душа перенапрягается.

– Да. Ты, конечно, права. Но...

– А ты ничего, ещё крепенький. Я же вот, видишь...

– Ну, что ты. Ты почти не изменилась. У тебя прекрасная

фигура. Красивые волосы.

– Фигура, тело, – сказала она с улыбкой, вздохнув при этом. – Всё это просто кусок мяса и не заслуживает внимания Духа. Ты здесь по делам? Или как?

– Нет. К тебе. Именно к тебе.

Лицо её посерьёзнело, и в глазах засветился удивлённый интерес. Она поставила локти на стол, положила подбородок на ладони и, стала смотреть ему в глаза.

А он, рассматривая её, всё больше и больше осознавал, что она, Зоя, и есть та духовная женщина, через которую, в момент всякой близости, он общался, и Бог даст, будет общаться с чем-то высоким, о чём жаждал всегда.

Так они и сидели, разглядывая друг друга, улыбаясь своим мыслям.

– Уже поздновато, можно мне остаться у тебя? – спросил он.

– Конечно, – сказала она. – Ты ведь знаешь, что мне почти невозможно отказать тебе в чём-либо. Они ещё долго говорили, рассказывая каждый о себе. Вспоминали. Потом пили чай. И всё было так, словно и не было десятилетнего расставания. Но лёгкая напряжённость всё же присутствовала. Они оба понимали от чего это. Оба понимали ситуацию их взаимоотношений. Смеясь, она рассказывала ему, как крестилась. Как знакомый батюшка вывез её к какой-то речушке, велел раздеться и идти в Ёрдан. А она не понимала, какой такой Ёрдан. И, как она, не умеючи плавать, полезла на глу-

бину, и батюшке, в его преклонных годах, пришлось лезть в воду, чтобы спасти её.

Был второй час ночи.

– Я хочу помолиться, – сказала Зоя. – Ты помолишься со мной?

– Да, – сказал Александр Николаевич. Для него это было непривычно – молиться перед сном. Но отказать ей он не мог.

– А ты крещёный?

– Не помню. Мама говорила, что да. Я не могу ей не верить.

Они подошли к иконе Спасителя.

– Прочти «Отче наш», – попросила она.

Александр Николаевич стал читать. На современном языке, неуверенно и робко. Движением руки Зоя прервала его.

– Я сама, – сказала она.

Стала на колени и быстро, на славянском языке, прочитала. Александр Николаевич смотрел на её тихое, просиявшее лицо и не мог налюбоваться им. «Как молитва преображает человека! Кто же он таков? И как сопрягаются в нём человеческое и Божественное?» – подумалось ему.

Зоя поднялась с колен и пошла стелить постель. Его она устроила на диване, для себя же сдвинула два кресла рядом с ним и легла в них.

В окно, сквозь тюль, светила луна. Их разговор продолжался при её голубом, томящем их сердца, свете. Он держал

её ладонь в своей, и, конечно же, им было совсем не до сна.

– Как благостно, – произнесла она. – Моя хорошая подруга, рассматривая наши старые фотографии, спрашивала меня, почему я не вышла замуж за вон того мужчину, и она указала на тебя. Тебе, дескать, было бы с ним хорошо. И она права. Как же мне, Санечка, хорошо и благостно с тобой.

Она мягко встала и, сняв ночную рубашку, оставшись в лёгких трусиках, легла с ним. Обняла его и привлекла к себе.

– Я венчанная, Санечка. Венчанная, но не женатая. И к свободе нету пути. Так глупо всё вышло, – шептала она под его поцелуями. Я с ним почти и не жила... Он для меня никто, но я не имею самостоятельности в любви. Так меня Бог наказал. Погасил мой разум в те минуты. Теперь вот живу и мучаюсь. С тобой, Санечка, я блудодействую. Это страшный грех. Я становлюсь блудницей. Что я делаю, ... надеюсь, Господь простит меня.... И ты меня прости, что я тогда всё вот так глупо перечеркнула...

Её тело трепетало под его ласками, выгибалось дугой, когда он целовал её в груди и живот. Освободившись от своих одежд, продолжая нежно целовать её, он снял с неё узенькие трусики, и руки его скользнули к её бёдрам.

– Мне операцию делали, Санечка. Доктор сказал, что мне не совсем удобно будет с мужчинами, я могу не понравиться тебе, любовь моя...

Он вошёл в неё и она, запрокинув голову, тихо вскрикнула. Он любил её неистово, жадно. Столько лет тосковавший

по ней, по единственной в мире. Он буквально упивался ею. Она же чувствовала, как наполняется им, как слёзы нежности и любви заливают ей лицо. Ничего она не желала, кроме него. Казалось, разум покинул её.

– Всё прекрасно, душа моя. Всё замечательно. В этом мире нет большего счастья, чем ты. Как я измучился по тебе. Столько лет... Столько лет... Ты только ни о чём не думай. Ни о каком блюде, ни о каком грехе... Ты и я. И никого между нами... – шептал он.

Она вдруг резко выпрямилась, глядя на него в упор, сбросила с себя и, вскочив с дивана, выбежала из комнаты.

Когда её не стало, Александр Николаевич вдруг осознал, что произошло что-то такое, чего быть между ними не должно. В чём-то он ошибся. Он почувствовал какое-то несоответствие его представления о том, как всё должно было бы быть и как всё случилось только что. Что-то было не так. Что-то было недопонято ими друг о друге. Что-то было нарушено. Пропало ощущение целостности мира. Чего-то остро стало не хватать. Его глаза наполнились слезами и, сам не понимая почему, он разрыдался. Немного успокоившись, он встал и вышел на кухню. Зоя сидела за столом, закрыв лицо руками. Он сел рядом на холодный табурет, потеряно глядя перед собой. Взяв салфетку со стола, он стал промокать глаза. Затем подвинулся к ней ближе и, обняв, поцеловал в плечо.

– Чего ты так расплакался? – вдруг неожиданно спокой-

ным голосом спросила она. – Ведь никто ничего не узнает.

Его поразило её спокойствие. Он не понимал, при чём здесь «...никто ничего не узнает». Почему она считает, что это должно быть тайной? Он молча встал и пошёл в комнату.

Лёжа на диване, он слушал, как за окном шуршит дождь. Мыслей в голове не было. Не было и сна. Дверь отворилась, и вошла Зоя. Легла к нему под одеяло и, обняв, прижалась к нему.

– Прости меня, – сказала она. – Я самая глупая из всех женщин. Не ругай меня. Давай поспим. Я устала.

Когда Александр Николаевич открыл глаза, на часах было семь. Зоя лежала рядом. Александр Николаевич вспомнил ночь и, глядя на Зою, улыбнулся. «Эх ты, Санечка, – подумал он про себя, – какой ты оказывается чувствительный. А впрочем, может это и хорошо».

Александр Николаевич смотрел на кружащиеся за окном жёлтые листья и думал о том, как уговорить Зою на участие в эксперименте. Как и что ей сказать, чтобы она поняла, насколько это всё важно для него. И что делать, если она откажется.

В комнате было тепло и уютно. От Зои исходил покой, размеренность жизни без всяких потрясений. «Не дом, а тихая гавань. Тихая бухта, куда не долетают никакие штормовые ветры», – думал он. – Разве она согласится променять всё это на неизвестно что? На тревоги и неустроенность? Даже временные». – Он стал осторожно перебирать пальцами

её ВОЛОСЫ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.